

О ФИЛОСОФСТВОВАНИИ И ВЕРЕ: КРАТКО

Н. Семенов¹

*¹Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники
2022*

1. Есть очень разные манеры начать какую угодно речь. Я могу начать ее с, так сказать, «нулевой отметки». Это большая претензия. Могу вовсе и не «начинать», а ворваться как «молния», неким «ницшевским жестом», что будет еще большей претензией. Есть еще такая псевдо-деликатная манера начинать с выражения сомнений и уверений, предуведомлений и оговорок. Лично мне это претит. Я хочу начать с того, чтобы воздать должное тем, кто говорил, писал и думал до нас. Должное здесь – прежде всего выражение благодарности. Например, Морис Бланшно, который (по словам Фуко) учил, что критика начинается с внимания, участия и щедрости. Или Делёз, имя которого довольно странно звучит здесь, среди богословов; его «императив»: «Никогда не интерпретируйте (тогда как мы только этим, кажется, и занимаемся; Н. С.), - экспериментируйте». Что касается веры, о которой я не могу в данном случае рассуждать догматически, но только проблематически, то о ней я бы рискнул сказать так (насколько мне помнится, это было девизом Лойолы): «Не быть стесненным из-за величайшего, однако содержаться в малейшем – вот что божественно»; то есть и наша вера не должна быть стеснена из-за величайшего, быть свободной, но одновременно уметь заключаться и в малейшем, уметь входить в него.

2. Не берусь судить, что более самонадеянно, говорить от имени «я» или от имени «мы». Но все же – мы плохо слушаем наших предков. Михаил Бахтин как-то писал: «Предмет всех гуманитарных наук – выразительное и говорящее бытие». Я не отношу философию к числу гуманитарных наук; само собой, и естественных тоже. В определенных отношениях я бы сравнивал ее с математикой. Но они – гуманитарные науки, - если так понимать их предмет, необходимо связаны с философией (многие из них, как известно, из нее и «вышли»). Относительно последней возникает соблазн переиначить слова Иосифа Бродского о любимой им поэзии: «Поэзия – это не «лучшие слова в лучшем порядке», это – высшая форма существования языка». – Вот и философия – это не «лучшие идеи в наилучшем порядке», это - высшая форма существования мышления. (Тут, конечно, очень легко обвинить философию в самомнении). Бродский еще говорил: стихи ускоряют мысль. Тем более ее ускоряет философия. Но тем самым возникает релятивистский эффект: чем быстрее мы движемся, тем медленнее течет время. Страшное ускорение мысли, к пределу мыслимого-и-немислимого – и

страшное замедление времени; вот что такое в этом смысле философское мышление. (Именно поэтому Гегель мог сказать (одно из его «определений» философии): философия – это эпоха, схваченная в мыслях).

3. Приведу, наконец, еще один «императив», современного французского философа Франсуа Федье: «Все должно способствовать хорошей школе письма». – Ясно, что и хорошей школе речи, и хорошей школе мышления. Как это? – так, что они (письмо, речь, мышление) прежде всего предполагают, «что ты способен на критическую дистанцию в отношении того, что пишешь (говоришь, мыслишь; Н. С.), именно для того, чтобы то, что пишется (опять-таки, говорится, мыслится), было достойно записи» (Федье Ф. «Власть» \ \ Франсуа Везен. «Философия французская и философия немецкая». Франсуа Федье. «Воображаемое. Власть». М. 2002, с. 93). Следовательно, и это: то, что говорится, было бы достойно быть сказанным; то, что мыслится, было бы достойно быть помысленным. Но все это – письмо, речь, мышления – начинается довольно-таки странно: вроде бы и «стихийно», но и (по крайней мере, если речь идет о философии, о гуманитарных науках) с постановки проблемы. Не сразу с решения уже предложенной вам.

4. Это означает (опять Делёз), что надо различать правильные и неправильные проблемы. Огрубляя (хотя сразу надо заметить: любое упрощение равноценно стиранию различий), в неправильной проблеме – неверные композиты, то есть не стыкующиеся понятия. Поэтому такого рода проблемы и неразрешимы, а все попытки их разрешить ведут ко все возрастающей путанице и ошибочным шагам. (Кстати, знаменитую проблему теодицеи этот автор считал как раз примером неправильной). Не могу здесь хоть сколько-нибудь дальше вдаваться в эту тему. Отмечу бегло лишь следующее. Что начинать мыслить философски, надо покончить с наивностью. Между тем, метафизика мыслит наивно; едва ли сплошь и рядом наивные метафоры и старые ассоциации. Говоря в стиле Хайдеггера, это онтический уровень: тут язык управляет мышлением – так, что на поверхность выходит обычно самое банальное.

5. И философствование, без которого философия на самом деле невозможна, слишком часто – наивно, нередко пересекаясь с художественным (образным) мышлением. Так или иначе, философствуют все люди; просто потому, что живут и умирают (и, конечно, это совсем не банальное «просто»). А вот философы – наперечет. Отсюда – своего рода парадокс: без философствования, так сказать, живой философии нет, но философию никак нельзя свести, редуцировать к философствованию. То, что вы философствуете, еще не делает вас философом – как и то, что вы тоже сочиняете стихи, еще не делает вас поэтом; а то, что вы можете оперировать

натуральными числами и даже дробями, еще не делает вас математиком. И попробуйте-ка войти в сложнейшие тексты мировой философии на уровне самих этих текстов.

6. Это первое. Второе – это существенная асимметрия обыденного (или обычного) мышления и философского. Только второе может и даже обязано исследовать первое, располагая для этого специальными «техниками» и инструментами анализа. Напротив, обыденное мышление никак не способно «сущности» исследовать философское, хотя и может по-своему к нему эмоционально, ценностно относиться (чаще всего в модальностях недоверия – интеллектуальной боязни – или преклонения перед тем, что «заумно»). Можно сказать, что язык философии есть язык предельных понятий и предельных ситуаций. Это дало повод покойному Пятигорскому говорить, что и сама философия есть предельная ситуация. Кстати, так же и с вопросом смерти; и, видимо, не случайно древние греки понимали философию как упражнение в умирании. (О действительном смысле последнего хорошо сказано у Пьера Адо: «Что такое античная философия?». М. 1999; см. также его: «Духовные упражнения и античная философия». М.; СПб. 2005). Предельное; то, что способно высветить нам иначе не видимое. (Ничего не напоминает – в определении веры у апостола Павла?).

7. Третье. В каком-то смысле философия имеет дело с мыслями, которые мыслят нас самих, мыслящих. Отсюда и это давнишнее выражение: не мысль в моей голове и как бы это сделать, чтобы она, мысль, пришла мне в голову; а как нам, мне и тебе, «войти» в мысль (или, по крайней мере, приобщиться к ней). Поэтому философия никогда не заключается в каком-то представлении «резюме» в отношении чего бы то ни было; но это способность (ее) быть в предьявленном виде. И еще одно, - странное внутреннее различие значения (смысла) понятия от самого себя. Словно бы у него тоже есть своя структура «я», подобная нашему «я», способному взбунтоваться против самого же себя. Или же это свойство именно философских понятий, разом требующих и соблюдения предельной точности для себя, и готовых в любой момент (любой – потому что непредсказуемо) взбунтоваться против своих устоявшихся значений. Так что – да, предельная точность при предельной же готовности к интеллектуальному бунту. Не зря же ее, философию, так часто считали предприятием «весьма опасным».

8. С, кстати, склонен различать «думы» и «мысли». Мысли – это как говорится в одном стихотворении Баратынского: нечто безжалостно разящее в своей оголенности, как острое лезвие меча, как тонкий пронзительный луч света (рискую передать своими словами). И это, мне кажется, надо особо подчеркнуть: как бы некую «анти-гуманность» мышления; безжалостность (нелицеприятность) и предельную проникающую силу мысли. Думы же – и

сразу возникающая ассоциация с чем-то тягучим, тяжело ворочающимся; медленные, часто вялые и липкие и столь же часто – бесплодные. (Так что никак невозможно было бы, к примеру, переименовать «Государственную Думу» в, допустим, «Государственную Мысль»; впрочем, последнее словосочетание само по себе – нонсенс). – Итак, еще раз, возвращаясь назад: философ не имеет права быть наивным. А у наивности, заметим, свои «модальности», свой «регистр», - от робкой до наглой; от смущенной до безапелляционной. Притязающий заниматься философией должен преодолеть «метафизическую наивность» и саму инерцию метафизического мышления.

9. Ну а что же вера? – Напомню еще к патристике восходящие и в схоластике получившие законченное выражение – и, конечно, вам известные «формулы»: Тертуллиана (для которого между Афинами и Иерусалимом нет ничего общего) – *Qredo quia absurdum est* (верую, ибо абсурдно); Ансельма Кентерберийского - *qredo ut intelligam* (верить, чтобы понимать); Пьера Абеляра, у которого акцент сдвигается в сторону все же разума, - скорее понимать, чтобы верить (а не наоборот). Заодно уж и лютеровское: *auditum verbi Dei, id est fidem* (слушание слова Божьего, то есть вера). С одной стороны, мысль, упирающаяся в «то, больше чего нельзя помыслить» (*Id quo maius cogitari nequit* все того же Ансельма Кентерберийского). С другой – вера, единственно противостоящая этому «не знаем и не будем знать» (*ignoramus et ignorabimus* Дюбуа-Раймона).

10. Можно заметить следующее. Во-первых, в этом разговоре о вере присутствует определенная метафизическая предпосылка, по сути одна и та же во всех перечисленных вариантах: само различие веры и разума, так или иначе противопологающее их (даже в концепции «гармонии» Фомы Аквинского). И это вовсе не какое-то «качественное» различие их, каким оно может показаться. В сущности оно количественное: или вера есть нечто большее (и даже много большее), чем разум – или, наоборот, разум есть нечто большее и гораздо большее, нежели вера. Это как в случае различия хозяина и слуги; качественное различие скрывает количественное: на деле у хозяина просто всего больше – имущества, владений, прав, власти, привилегий и так далее. А коль скоро это по сути количественное различие, то и вертикальное; речь идет о том, что «выше», вера или разум. И это, повторяю, вытекает из самой молчаливо принятой здесь метафизической предпосылки. Отсюда – та самая «неправильная проблема», о которой уже говорилось. Во-вторых, мы могли бы, у примеру, говорить о том, что здесь возникает – или могло и должно бы возникнуть, из самой этой взаимно обогащающей встречи веры и разума, вверяюще-доверяющей «инстанции» и понимания. Оставляем эту возможность открытой. (На счет, впрочем, полезно прочитать работу: Ст. Вшолек. «Рациональность веры». М. 2005).

11. Меня же интересует не столько дух веры, сколько ее «плоть». Или «плоть», как бы сотканная из разных движений (поскольку ведь «плоть» - трепещущая); движений, помеченных целым регистром разных коннотаций веры: суе-верие, не-верие, до-верие, по-верие, за-верение, в-верение ... Отметим следующее: не можно возникнуть и быть неверию, если прежде не было какой-то веры. Тогда что же получается, из неверия вера возникнуть не может (она как бы всегда-уже-должна-быть), а вот неверие из веры возникнуть может? – Скорее неверие в этом плане можно было бы трактовать как некую «порчу» веры (которая не случайно же так печется о своей «чистоте»). И в силу этой «порчи» вера должна либо погибнуть, либо возрасти и возвыситься, - то есть стать еще более сильной, более глубокой. Такова, если угодно, внутренняя диалектика веры (отчасти восчувствованная в этом знаменитом «верую, Господи, помоги моему неверию»): диалектика, согласно которой вера возвышается, преодолевая свою собственную «порчу» - так что и неверие в каком-то смысле, само не сознавая того, принуждается «служить» вере.

12. Завершаю свое весьма беглое сообщение. И что же? – какая-то неловкость (Лакан вроде бы говорил о замешательстве), как будто не все сказано: даже, быть может, и совсем не то сказано, что намеревалось (желало) сказаться. Для меня всегда остается тревожный вопрос: что же скрывается (все еще скрывается) за этой речью, моей или вашей? Согласно психоанализу – другая речь, речь бессознательного, которую вытеснила, скрыла, скажем так, якобы полностью «сознающая себя речь» (то есть речь, полагающая свою цель прежде всего в коммуникации). Но, как давно утверждают аналитики, любая речь симптоматическая (и потому для них не так уж и важно различие «подлинной» и «неподлинной» речи; как тут вообще быть с пилатовским вопросом, столь долго обыгрываемым в теологии, - Что есть истина?). И за любой коммуникацией и теорией коммуникации – говорят они, - на самом деле скрывается господство неких требований; сегодня особенно (хотя это «сегодня» длится едва ли не с эпохи Просвещения). Если все это всерьез принимать, то для меня остается нерешенной задача: какие не артикулированные и даже бес-субъектные требования «на самом деле» диктовали, то есть «обязывали» эту речь; и как осуществить – если это вообще возможно – какое-то подвешивание этого молчаливого требования высказаться. Требования, связанного уже с тем местом, где ты находишься, хотя и не только с этим. Конечно, я имею в виду прежде всего те тайные требования, которые все еще, но, видимо, уже как-то иначе, побуждают \ обязывают нас философствовать и\или верить – пусть мы и предрасположены наивно полагать и то, и другое нашим абсолютно свободным начинанием.